

случаев, когда категория интернационального синтеза рассматривается им как исторически продуктивная форма развития литературы, будь то творчество отдельного художника или целый этап литературного процесса.

То, что в плане типологии развития литературы выступает как высший этап этого развития, т. е. как эпоха «новейшей поэзии», предстает, будучи рассмотренной в плане диалектики национального и интернационального в литературном процессе, в качестве «эпохи мировой литературы» (точнее — «эпохи европейской мировой литературы»). Отсюда нетрудно сделать вывод о том, что последняя мыслилась Гёте не только как эпоха синтеза национальных литератур, но и как эпоха синтеза классических и романтических художественных традиций. Теперь становится понятным, в какой степени гётевская «Елена» коррелирует с концепцией мировой литературы и насколько полно и глубоко поэт сумел в ней в середине 1820-х годов примирить то «кажущееся непримиримым противоречие» между «древним» и «новым», разрешение которого десятилетием ранее он считал насущной задачей развития литературы.

Конечно, было бы ошибкой утверждать, что «Елена», являющаяся, как и весь «Фауст», в первую очередь гениальным художественным произведением, уникальным в своем роде, значима только как воплощение учения Гёте о мировой литературе и пытаться исключительно этим обстоятельством объяснять ее эстетическое своеобразие. Но если вспомнить, что проблема мировой литературы как особого феномена в духовной жизни человечества была поставлена на повестку дня объективным ходом культурного развития, что за ней стояли колоссальные сдвиги в социальной истории и что Гёте был первым, кто осознал и сформулировал эту проблему, то его стремление создать такое произведение (и здесь мы имеем в виду не только «Елену», но и «Фауста»), в котором были бы отражены важнейшие тенденции эпохи и предпринята попытка ответить на них, — это стремление нужно будет поставить в несомненную заслугу поэту.

Призыв Гёте к синтезу классических и романтических традиций, прозвучавший в условиях господства в европейской литературе начала XIX в. романтического типа творчества, не покажется неким анахронизмом, тормозившим поступательное развитие литературы, если рассматривать его в соотношении с той антитезой классического и романтического искусства, которую развивали романтики и ответом на которую явился в известной степени этот призыв. Несомненно, что Гёте, всегда бывший одним из самых чутких выразителей духовных запросов современной ему действительности, отдавал себе отчет в том, что развитие европейской литературы носило в этот период все более «романтический» характер. Но поэта не могло не насторожить то тотальное противопоставление классического и романтического этапов эволюции европейского искусства, на котором настаивали романтики и которое игнорировало глубокие преемственные связи между ними, пусть само это противопоставление и носило во многих отношениях сугубо условный и априорный характер. В этих условиях призыв Гёте к классическо-романтическому синтезу был не чем иным, как призывом к объективной оценке «заслуг» каждой из «сторон».

Претворение этого синтеза трактовалось поэтом как гарантия того, что будет обеспечено поступательное развитие искусства и литературы, сохранение и умножение их гуманистического потенциала, угрозу которому Гёте усматривал в некоторых тенденциях развития теории и практики романтизма [5, с. 318, 583].

Категория интернационального литературного синтеза определяла и характер делаемых Гёте прогнозов развития мировой литературы. Поэт не сомневался, что в ее основе будут лежать принципы преемственности и синтеза, обеспечивающие ее прогрессирующее развитие. Причем это будет синтез двоякого рода. Во-первых, он, по мысли Гёте, должен носить все более глобальный и универсальный характер (т. е. это будет, если поль-